

Формирование женского монашества в Приуралье в XVII – первой четверти XVIII в.

Елена Кустова

Nunneries of the Urals region in the seventeens and early eighteenth centuries
*Elena Kustova (Vyatka State University
of Humanities, Russia)*

Несмотря на широкий интерес к истории Русской Православной Церкви, остаётся ряд тем, которые почти не затрагивались исследованиями. К их числу относятся формирование и развитие женского монашества досинодального периода¹. Причины недостаточной изученности этих вопросов – узость источниковой базы и «малозаметность» женского монашества на фоне общецерковной истории. В допетровский период женские монастыри не играли значительной роли в хозяйственном освоении земель и не были крупными книжными центрами. Но они являлись важным фактором повседневной жизни, что связано с устойчивой традицией принятия пострига в старости, а также духовными традициями женских обителей.

В Приуралье, Поволжье и Сибири создание монастырей началось позднее, чем в северных и центральных районах России. В пермских землях, первоначально заселённых финно-угорскими народами, оно следовало за колонизацией и христианизацией края. Первым предпринял попытку крещения коми-пермяков в Перми Великой епископ Питирим в 1454/55 г., убитый на обратном пути вогулами. В 1462 г. новый пермский «владыко Иона добавне крести Великую Пермь, постави им церкви и княжат Михайловых крести»². К тому же времени исследователи относят и создание первого в Перми Великого Чердынского Иоанно-Богословского мужского монастыря (1462–1463 гг.)³. Расположенный недалеко от границы с Пермью Вычегодской, откуда направлялся поток переселенцев, он стал опорной точкой в процессе христианизации края.

В дальнейшем появление монастырей было связано с освоением земель, развитием промыслов и инфраструктуры. В 1558 г. Строгановы, получив от

© 2016 г. Е.В. Кустова

¹ Помимо немногочисленных публикаций по истории отдельных монастырей (см., например: *Мохова Г.А.* Святая обитель. История Вятского Преображенского женского монастыря. Киров, 2015), можно выделить несколько работ общего характера, в которых затрагивались вопросы женского монашества досинодального периода (*Зверинский В.В.* О православных монастырях в Российской империи. Т. 1–3. СПб., 1890–1897; *Смолич И.К.* Русское монашество. 988–1917. М., 1997; *Емченко Е.Б.* Женские монастыри в России // Монашество и монастыри в России XI–XX вв. М., 2003). Прочие же работы охватывают синодальный период (История возникновения и постепенного развития женских общин в России с 1764 по 1890 г. // Национальный архив республики Татарстан, ф. 10, оп. 2, д. 989; *Кириченко О.В.* Женское православное подвижничество в России. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011; *Курышова Л.В.* Женские монастыри России: своеобразие культурных традиций. На примере монастырей Волгоградской области. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010; *Miller M.* Social Revolution in Russian Female Monasticism: The Case of the Convent of the Intercession, 1700–1917 // *Russian History*. 2013. Vol. 40. Issue 2. P. 166–182; и др.).

² *Головчанский Г.П.* Христианизация Перми Великой в XV – начале XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. С. 81–83.

³ *Шишонко В.* Пермская летопись. Период первый. Пермь, 1881. С. 24; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АИ). Т. I. СПб., 1841. С. 397.

царя земли по р. Каме, заложили вместе с городком Канкор Пыскорский Преображенский монастырь. По мере увеличения их владений они закрепляли своё влияние в новых землях, основав, помимо укрепленных городков, Чусовскую, Шерьинскую и Оханную пустыни⁴. В Соликамске, ставшем одним из крупных центров солеварения, в конце XVI в. был возведён Вознесенский монастырь⁵. Благодаря старой и новой сибирским дорогам появились Плесинская и Верх-Яйвинская пустыни в Чердынском уезде, а также Кайгородские пустыни⁶.

В последней четверти XVI в. монастырское строительство из Перми Великой стало распространяться в Вятском регионе. Начало монашества здесь было связано с именем постриженника Пыскорской обители преподобного Трифона Вятского. В 1580 г. он основал Хлыновский Успенский монастырь, под влиянием или при непосредственном участии монахов которого в первой трети XVII в. были построены основные вятские мужские обители – Верхочепецкая, Верховятская, Истобенская, Слободская, Холуницкая, Котельничская, Усть-Святицкая⁷.

Женское монашество в Приуралье развивалось вслед за мужским на протяжении всего XVII в. Источники позволяют выделить две волны этого процесса в Вятско-Камском регионе. В первый период (конец XVI – первая четверть XVII в.) в Перми Великой появились Чердынский Успенский (между 1579 и 1623/24 гг.), Соликамский Архангельский (между 1623/24 и 1628 гг.), Пыскорский Зосимо-Савватиевский (позднее Введенский) (между 1579 и 1623/24 гг.) монастыри; на Вятке в первой половине 1620-х гг. был создан Хлыновский Преображенский монастырь⁸.

На данном этапе отмечается разнообразие «учредителей» женских обителей. Чердынский и Соликамский женские монастыри, судя по писцовым книгам 1623/24 г., являлись «мирскими» строениями и создавались на средства местных обществ⁹. К «ктиторским» можно отнести Пыскорский Подгородный монастырь, основанный при участии Строгановых, на землях которых он располагался: «да в монастыре ж 9 келей, а в них живут черные старицы... А монастыри и в монастырях всякое церковное строенье Строгановых»¹⁰. Преображенский монастырь в Хлынове являлся «государевым строением», о чём свидетельствует сообщение писцовой книги 1628 г.: «Да на посаде ж в остро-

⁴ РГАДА, ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), оп. 20, д. 14242, л. 1–2; *Купцов И.В.* Род Строгановых. Челябинск, 2005. С. 13, 45, 48; *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 2. Пермь Великая в XVII веке. Пермь, 1890. С. 160; *Осокин И.М.* Места подвигов преподобного Трифона Вятского в Пермском крае // Труды Пермской учёной архивной комиссии. Вып. 5. 1902. С. 86–87.

⁵ *Шишонко В.* Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. Пермь, 1885. С. 69–70.

⁶ РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия, Вотчинный департамент), оп. 1, кн. 184, л. 22–22 об., 119–120 (фотокопия документа предоставлена А.Л. Мусихиним); *Сорокин П.* Чудь Кайского края. Вятка, 1895. С. 4–6; *Шишонко В.* Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882. С. 242.

⁷ *Сычёв В.И.* Вятские монастыри в конце XVI – начале XX века (историко-географическое описание) // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 220–222.

⁸ *Шишонко В.* Пермская летопись. Второй период. С. 194–195; *он же.* Писцовые книги Пермской губернии. Пермь, 1872. С. 4–5; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 945; *Словцов И.* Пыскорский Преображенский Ставропигиальный 2-го класса монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1867. № 28. Часть неофициальная. С. 439–441; Вятка. Материалы по истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 305; *Никитников Г.* Иерархия Вятской епархии. Вятка, 1863. С. 96.

⁹ *Шишонко В.* Пермская летопись. Второй период. С. 194–195; *он же.* Писцовые книги... С. 4–5.

¹⁰ *Дмитриев А.А.* Указ. соч. Вып. 2. С. 111.

ге новодевич монастырь... строенье все государево, да на монастыре ж келья игуменьи, 10 келей старицких, а игуменья с сестрами питаютца государевым жалованьем денежною ругою»¹¹. Известно, что в Хлыновском Успенском монастыре в 1601 г. хранилась грамота патриарха Иова, привезённая, по-видимому, преподобным Трифоном Вятским из Москвы – «Почему на Вятке строить девич монастырь»¹². Но, вероятно, конфликт, который возник внутри мужской обители и завершился изгнанием Трифона, не позволил реализоваться этим планам при его жизни.

На создание монастырей, даже небольших, требовалось особое разрешение высших духовных и светских властей. Стоглавый собор 1551 г. запретил монахам самочинно основывать пустыни, отныне их могли строить только с благословения епископа¹³. Поскольку до 1657 г. не существовало Вятской и Великопермской епархии, за разрешением на построение монастырей обращались к московским митрополитам и царям¹⁴. Однако соответствующих документов почти не сохранилось, в отличие от грамот на земельные владения и иные монастырские угодья. Можно предполагать, что в силу слабой зависимости от московских владык небольшие обители в Приуралье первоначально создавались без их благословения. К царю же они обращались, когда требовалось получение льгот, земельных угодий, ружного жалования или особых условий (например, поступление в монастырь без вкладов). Необходимые для освящения храмов антимины выдавались только архиереями для конкретного храма и престола; но на практике их могли брать из многопридельных храмов, где литургию служили не на всех престолах. Могли также использовать ветхие антимины.

Вторая волна создания женских монастырей в Приуралье относится к последней четверти XVII в. Вероятно, она была связана с деятельностью второго вятского архиерея – архиепископа Ионы (1674–1699 гг.), который отличался от своего предшественника активной деятельностью по обустройству недавно образованной Вятской и Великопермской епархии. На Вятке в то время появились Котельничский Введенский (1676 г.), чуть раньше – Слободской Спасский (1671/72 г.) женские монастыри; в Перми Великой под именем Преображенского возродился Соликамский (1683 г.), а около 1699 г. основан Кунгурский Тихвинский¹⁵.

В этот период при создании обителей преобладала инициатива частных лиц. Так, строителями двух женских монастырей стали монахи, имевшие поддержку вятского архиерея (иеромонах Игнатий (Кожин) в Котельнице и старец Илья (Семакин) в Слободском¹⁶). В Соликамске к возрождению девичьего монастыря были причастны светские лица, обладавшие необходимыми экономи-

¹¹ Материалы для истории Вятки XVII–XVIII вв. М., 1887. С. 8.

¹² Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне (По подлинному документу 1601 г.). Вятка, 1902. С. 21.

¹³ Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 362.

¹⁴ Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской епархии. Вятка, 1914. С. 509–511.

¹⁵ РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 592, л. 1–2; Труды Вятской учёной архивной комиссии (далее – ТВУАК). 1910. Вып. 2–3. С. 2; РГАДА, ф. 615 (Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв.), оп. 1, д. 2144, л. 427 об.–428 об.; ф. 1209, оп. 1, кн. 339, л. 7; ф. 237 (Монастырский приказ (Коллегия экономии)), оп. 1, д. 55, л. 20 об.; *Шишонко В.* Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. С. 69–70; Государственный архив Кировской области (далее – ГА КО), ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 13.

¹⁶ РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 592, л. 1–2; РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 2144, л. 427 об.–428 об.

ческими и административными ресурсами. Средства на основание монастыря и постройку храмов выделила купеческая вдова Евдокия Никифоровна Щепоткина, поддержанная соликамским воеводой. Городские общины не остались в стороне от общего процесса, включившись в сбор пожертвований. По инициативе городского сообщества появился и последний из основанных в XVII в. женских монастырей в Приуралье – Кунгурский Тихвинский¹⁷. Новые обители создавались по благословению вятского архиерея.

При формировании женских монастырей Приуралья (за исключением Кунгурского) прослеживается устойчивая закономерность: они создавались там, где уже существовали мужские обители. Женские монастыри нередко зависели от мужских как в экономическом, так и в духовном плане, в частности, только монахи-священники имели право совершать постриги. Поэтому даже Кунгурский женский монастырь имел связи с расположенными поблизости Сылвенскими пустынями Соликамского и Пыскорского монастырей, а также с Тохтаревской¹⁸. Практически всегда женские монастыри возникали в уездных городах, где были более широкие возможности для сбора пожертвований. Правда, нахождение в городе создавало немало проблем – здесь нередко жили родные и знакомые монашествующих, велик был наплыв народа в храмах, что нарушало монастырский ритм жизни.

Одна из предпосылок, способствовавших созданию вятских монастырей, – наличие монашеских общин, самопроизвольно возникавших при приходских храмах. Это отличало Вятский край от Пермского, где монахини чаще всего жили при мужских монастырях или просто строили кельи на посаде. По сведениям вятских дозорных и писцовых книг, «старицы», «черные старицы» и «черницы» проживали при городских и сельских церквях в 1615 г. (Слободской, Котельнич, Шестаков, погосты Медянский, Истобенский, Юрьевский), 1629 г. (Слободской, Котельнич, Орлов) и 1646 г. (Слободской, Шестаков, погосты Сырьянский, Гостевский, Юрьевский)¹⁹. Селились они обычно недалеко от храма, духовенству которого подчинялись, получая от него пропитание. Содержание монахинь-вкладчиц мужскими монастырями на Вятке не было распространено: известен лишь один подобный случай²⁰. Далеко не каждая община становилась монастырём: из девяти известных вятских общин только две (в Слободском и Котельнице) впоследствии стали монастырями. Чтобы материально легче было создать обитель, одна из приходских церквей обращалась в монастырскую, как, например, деревянная Преображенская в Слободском, по которой и монастырь стал называться Спасским (Преображенским)²¹.

Число монахинь в городах и погостах было невелико – от одной до трёх при храме; каждая жила обычно в отдельной келье. Исключение составлял город Слободской. Если в 1629 г. там жили 3 монахини, то в 1646 г. было построено уже 12 келий: «а в них живут черные старицы нищие, питаютца христовым именем, бродят по миру»²². Вероятно, именно увеличение числа старниц не по-

¹⁷ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 6341, л. 3; ГА КО, ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 13.

¹⁸ ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 45, л. 34, 37 об.

¹⁹ РГАДА, ф. 1209, кн. 1029, л. 313, 354, 634, 672, 716, 748 об. (сообщено В.А. Любимовым); кн. 90, л. 211, 276 об. (сообщено А.Л. Мусихиным); ф. 137 (Боярские и городские книги), Орлов, д. 1, л. 332, 451, 662, 935 об., 1116–1116 об. (здесь и далее сведения указанного дела сообщены А.Л. Мусихиным).

²⁰ Акты и грамоты Богоявленского монастыря и др. // ТВУАК. 1915. Вып. 1. Отд. 2. С. 19.

²¹ ГА КО, ф. 1404, оп. 1, д. 6, л. 13.

²² РГАДА, ф. 137, Орлов, д. 1, л. 662.

зволило храму и далее кормить их за свой счёт. Чёрные старицы в переписях указываются среди нищих, что свидетельствует об их особом правовом и экономическом положении, которое сближало монашеские общины с богадельнями. Строгие монастырские правила они, по-видимому, не соблюдали: продолжая пребывать в «миру», нередко жили с кем-то из родных. В 1646 г. в Гостевском погосте упоминалась «келья черницы Веры Телегины, у ней же живет нищей Васка Микифоров сын Лутошкин 8 лет». В Юрьевском погосте жила «в келье черная старица Афья с сестрою Ульяною», а в Шестакове «в келье старица Матрена с сыном Останкою, у Останки сын Фадейко году»²³.

В пермских землях монахины в городах и городках также встречались, но реже, чем в вятских. В Соликамске в 1623/24 г. при храмах в 10 кельях жили «черные старицы»²⁴. Немало стариц было в Чусовских городках и при Чусовском монастыре. В писцовой книге 1623/24 г. говорится, что в Нижнем Чусовском городке «на посаде... 8 келей нищих, а в них живут вдовы и черные старицы». В Верхнем городке на посаде находилось «одинадцать келей нищих и стариц черных». Правда, в отличие от вятских монастырей, они содержались подаяннем, а не церквями. Четыре монахины жили в Чусовском Успенском мужском монастыре²⁵. И если община в Соликамске положила начало девичьему монастырю, то на р. Чусовой в XVII в. женская обитель так и не появилась.

Известно, что общины монахинь в первой четверти XVIII в., а возможно, и ранее, существовали при пермских мужских монастырях, где жили монахины-вкладчицы этих пустыней²⁶. Однако ни одна из таких общин также не стала монастырём, вероятно, из-за того, что жившим там монахиням, до смерти получавшим пропитание и одежду за свои вклады, не приходилось собирать пожертвований по городам и сёлам. Они в определённой степени были организованы, подчиняясь настоятелю мужской обители. Жизнь обитавших в городах стариц, проходившую за сбором милостыни по мирским домам, церквям и улицам городов и сёл, необходимо было упорядочить. Вероятно, эту цель и ставил перед собой вятский архиепископ Иона, благословив основание новых женских монастырей.

Дальнейшее существование обителей было связано с решением двух основных задач. Первая из них – создание системы их материального обеспечения, позволяющей развивать монастырскую инфраструктуру (возводить монастырские ансамбли, обеспечивать храмы церковной утварью, вести хозяйство, а также содержать сестёр обители, обеспечивая их одеждой и пропитанием). Вторая – организация внутреннего устройства обители (быта, послушаний, духовной жизни, взаимодействие с «миром» и мужскими монастырями).

В экономическом отношении женские монастыри изначально оказались в менее благоприятных условиях, чем мужские. Сложность их существования выразилась, в частности, в значительном численном перевесе мужского монашества над женским. По переписи 1724 г., на 225 монахинь епархии приходилось 565 монахов²⁷. Как правило, женские обители не обладали земельными владениями или иной собственностью: к 1724 г. из семи существовавших в При-

²³ Там же, л. 332, 451, 1116–1116 об.

²⁴ Шишонко В. Писцовые книги... С. 4–5.

²⁵ Дмитриев А.А. Указ. соч. Вып. IV. Пермь, 1892. С. 112, 140, 162.

²⁶ ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 6, л. 20 об.–22 об.

²⁷ Там же, д. 5, л. 25–62, 78–121; д. 6. Для сравнения: в 1724 г. в России в мужских монастырях насчитывалось 1 434 насельников (монахов и послушников), а в женских – 673 (монахинь и послушниц) (Емченко Е.Б. Указ. соч. С. 258).

уралье женских монастырей землей владел только Котельничский Введенский монастырь. В монастырской деревне, состоящей из двух дворов, проживали 7 половников, которые платили монастырю 17 четвертей хлеба при необходимых ему 90 четвертях²⁸. Согласно писцовой книге 1628 г., в Хлынове монастырский Преображенский храм имел торговые лавки: «Под теплым храмом Преображения Христова 5 лавок, а торгуют в них приезжие люди, а оброк платят к церкви к Преображению Христову на всякое церковное строенье, да 2 лавки пустые»²⁹. Первая игуменья Хлыновского Преображенского Евфимия приобрела для монастыря пожню Лодыгинскую (после её смерти купчую выкрал и стал владеть пожней сын игуменья Иван, служивший в монастыре дьячком). В 1646 г. обитель получила в качестве вклада пожни Федотовскую и Андреевскую Шуравиных, но в дальнейшем ни лавки, ни пожни среди собственности монастыря не упоминаются³⁰.

Соликамские женский и мужской монастыри некоторое время совместно владели мельничным местом на р. Усолке, пожалованным им в 1629 г. В дальнейшем оно перешло в единоличное владение мужской обители. Соликамский женский монастырь позднее владел другой мельницей в городе на р. Усолке, которая была ей пожертвована в 1712 г. бывшим соликамским промышленником Александром Ростовщиковым. Помимо муки, она ежегодно давала монастырю доход 80–100 руб. Обители принадлежал также покос в Чердынском уезде, приносивший от продажи сена около 4 руб. в год. Однако в 1725 г. монастырь сообщал, что «пашенной земли и сенных покосов и протчих угодий и заводов ничего не имеетца»³¹. Таким образом, владение собственностью являлось для женских монастырей скорее исключением и обычно завершалось её утратой.

Государство, обеспечившее в XVII в. земельными владениями почти все мужские обители региона, весьма сдержанно относилось к нуждам женских, стараясь не выделять им ни угодий, ни ружного жалования. Казённое содержание имел только один женский монастырь Приуралья – Хлыновский Преображенский, по грамоте 1628 г. получавший ругу из вятских таможенных доходов. Для обеспечения воском, ладаном и пшеницей для просфор ему первоначально были даны пустоши, но в том же 1628 г. воеводе было приказано отдать эти земли на оброк желающим, а взамен платить обители из казны 9 руб. 12 коп. Денежная руга почти без изменений выдавалась ей на протяжении всего XVII в. и неоднократно подтверждалась более поздними указами; в 1660–1690-х гг. она составляла 132–137 руб. С 1699 г. жалование монастырю по указу из Москвы стало выдаваться исключительно по ежегодной челобитной от имени игуменьи, что видно по документам 1700–1703 гг.³²

Только в первой четверти XVIII в. ружное жалование стало предоставляться другим женским обителям региона: Соликамской, согласно приходно-расходным книгам 1711–1716 гг., выдавали 50 руб. в год; выплата казенного жалования завершилась ранее 1725 г.³³ Слободскому монастырю выдавалось из

²⁸ Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии первой четверти XVIII ст. (по указу Синода 1725 г.) // ТВУАК. 1912. Вып. 1–2. Отд. 2. С. 189–196.

²⁹ Вятка. Материалы... С. 13.

³⁰ Спицын А.А. Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. С. 131–132.

³¹ Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. С. 68, 79; Ведомость о Вятском архиерейском доме... С. 193.

³² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1847. С. 129; Спицын А.А. Указ. соч. С. 130–131.

³³ Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. С. 79. Ведомость о Вятском архиерейском доме... С. 193.

питейных сборов вятской таможи по 20 руб. в год на 20 монахинь, а также по 6 руб. священнику и причту (в 1725 г. оно уже не выплачивалось)³⁴. Игуменье и 30 монахиням Котельничского монастыря сибирский губернатор кн. М.П. Гагарин в 1711 г. распорядился платить 10 руб. в год (выдавали до 1719 г.)³⁵. Как видно, жалование монахинь Котельничского монастыря было в 3–4 раза меньше, чем в Хлыновском, Слободском и Соликамском. Временное появление жалования у женских монастырей в петровскую эпоху было обусловлено, вероятно, указом 1701 г., по которому жалование монахов было определено в 10 руб. и 10 четвертей зерна в год³⁶. Вскоре эти нормы были сокращены вдвое; реальное же жалование даже там, где оно выдавалось, оказывалось в несколько раз меньше положенного.

Отсутствие стабильной государственной поддержки и земельных владений вынуждали монастыри изыскивать внутренние источники средств за счёт свечных и кружечных сборов, вкладов, а также личных средств монашествующих. Даже имевшему ружное жалование Хлыновскому монастырю казённых денег не хватало: 11 сестёр питались за свой счёт, не покрывались расходы и на церковные нужды³⁷. Судя по приходно-расходным книгам 1690-х гг., Преображенская обитель, помимо казённого жалования, имела иные доходные статьи: в 1694/95 г. её общий доход составил 48 руб., причём государственное жалование на монастырские нужды (не считая жалования монахиням, которое не было записано в приходных книгах) составляло лишь 18.9% этой суммы. Столько же монастырь собирал со стариц, которые получали государственное жалование (19.3%). Основная же часть доходов шла от кружечных сборов (42.8%), т.е. помощи благотворителей. Деньги за постриги и погребение составляли 15% монастырского бюджета³⁸. С учётом жалования государственная руга составляла 77.5% общего бюджета монастыря, являясь главным источником доходов.

Бедность обителей вынуждала их власти брать деньги за постриг. Следует отметить, что эта плата в Хлыновском женском монастыре была гораздо ниже, чем в мужских. В конце XVII – начале XVIII в. в Слободском Богоявленском монастыре сумма обязательного вклада как для принятия монашества («за пострижение во вклад»), так и для получения статуса вкладчика без принятия монашества, составляла 4 руб. В женском же монастыре Хлынова – 35–36 коп. за пострижение в «малый образ» и 45 коп. за постриг в схиму («великий образ»).

В отличие от мужских обителей, где всё необходимое (одежда и хлеб) выдавали монаху от монастыря, в Преображенском женском монастыре 75 монахиням платили жалование из государственной казны, поэтому монастырю не требовались большие вклады на их содержание. В стоимость пострижения входила монашеская одежда. За постриг деньги взимались даже с бедных стариц, если они находили себе благотворителей³⁹. Следует обратить внимание и на официальную практику взимания у монахинь денег при записывании их в число стариц, получающих жалование. Свою «первую зарплату» они должны были отдать монастырю. «С имени» брали по 50 коп. и, дополнительно,

³⁴ Ведомость о Вятском архиерейском доме... С. 190.

³⁵ РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 592.

³⁶ ПСЗ-1. Т. 4. № 1886.

³⁷ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 665, л. 15 об.

³⁸ Там же, д. 7, л. 2–7 об.

³⁹ Там же, д. 6347, л. 129, 133 об.; д. 7, л. 2–7 об., 10, 30, 45, 54.

«кладовые» по 1 руб. 36 коп. В 1694/95 г. таких стариц было 5, 1695/96 г. – 6, 1697/98 г. – 18. Деньги они платили в конце декабря, сразу после выдачи жалования⁴⁰. При этом сумма получалась почти в 2 раза больше, чем их жалование, что компенсировалось за счёт «хлебных денег», получаемых взамен хлебной руги.

Подобная практика существовала и в Соликамской женской обители. С монахинь взимались сборы: в пользу церкви по 10 коп. с пострига в мантию и 1–3 коп. (иногда 15) с постригавшихся в схиму. Особо собирались деньги на содержание сестёр (по 27–30 коп.) – эти деньги разделялись между ними. Был также обычай снимать с постригаемых кресты, которые они носили «в миру», и брать их в церковь; взамен вручали монашеский крест, за который следовало заплатить от 3 до 7 коп. Взимались деньги и за монашеское платье (от 4 до 15 коп.); с постригаемых брали «за чин» от 6 до 15 коп. За чин, одежду и крест деньги собирали не со всех монахинь, но в церковную казну и на сестёр пошлину взимали с каждой. Иногда за монашеский крест вместо денег давали перстни и кресты. Вещи эти продавались, а деньги обращались в монастырскую казну⁴¹. Практика вкладов за пострижение существовала и в Пыскорском монастыре, но «немощные и убогие» принимались без вкладов: в 1702 г. в списке монахинь особо были отмечены «старицы некладчицы нищие»⁴².

Кормили себя «трудом своих рук», по-видимому, немногие. В Хлыновском женском монастыре в 1724 г. из 61 монахини «рукоделия» имели только пять: две – «портное женское шитие платие», три – пряли льняную пряжу. Одна из сестёр также поправляла свечи в храме, и ещё одна пекла просфоры. Из пермских обителей послушания были указаны в Кунгурском монастыре: одна из монахинь плела кружева, а другая работала на огороде⁴³. В Чердынском монастыре шесть монахинь получали хлеб и одежду за вклады из мужской обители, «а протчие монахини пищу и одежду получают от трудов своих, а наипаче подаянием от христоролюбивых людей с великою нуждою»⁴⁴. В отношении же остальных пермских и вятских монахинь указывалось, что они «рукоделия не имеют».

Ограниченность доходов ставила существование большинства женских монастырей в прямую зависимость от пожертвований. В 1703 г. Слободской Спасский монастырь, не имевший ни жалования, ни земельных угодий, сообщал в столицу: «Питаемся мы игуменья с сестрами Христовым именем милостынею, а на церковную утварь на свечи и на ладан и на церковное вино собираем от подаяния православных христиан». Подобная же ситуация была в Котельничском монастыре, в котором подспорьем была лишь деревенька с небольшим наделом пашенной земли. Им также приходилось «на церковную утварь, на свечи, и на ладан, и на церковное вино» собирать «от подаяния православных христиан»⁴⁵.

В этих условиях важная роль принадлежала крупным благотворителям, которые оказывали помощь в постройке храмов и приобретении церковной утвари. Вклады могли быть в форме земельных пожалований, денег и ризнич-

⁴⁰ Там же, д. 7, л. 3–3 об., 20, 51.

⁴¹ Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. С. 80.

⁴² РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 48, л. 5 об.

⁴³ ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 5, л. 63–69; д. 6, л. 36.

⁴⁴ Ведомость о Вятском архиерейском доме... С. 195.

⁴⁵ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 665, л. 23 об., 29 об., 30.

ных вещей. Например, в 1646 г. мать бывшего Никольского протопопы Зотика Путникова вложила в Хлыновский женский монастырь оставшиеся после сына пожни. Первая игуменья монастыря Евфимия приложила шитый золотом, серебром и шёлком воздѹх, а также покров для усопших⁴⁶. Главными жертвователями Хлыновской обители были занимавшиеся сибирской торговлей вятские купцы Гостиной сотни Илья Гостев и Спиридон Лянгусов (последний водил торговые караваны и в Китай). На средства Гостева в 1695 г. в честь его святого Или Пророка была выстроена первая каменная церковь в монастыре. Спиридон Лянгусов в 1701 г. дал в долг обители большой колокол в 48 пудов, причѐм монахини «денег за скудностью не заплатили». Интересно, что богатые вкладчики одновременно являлись и поставщиками монастыря, продавая ему ладан и вино⁴⁷.

Благотворительная помощь обители могла оказываться и в форме поддержки бедных стариц. В городском сообществе, как и в сельской общине, действовал принцип взаимопомощи, поэтому более состоятельные горожане могли за свой сѐт постричь и погresti неимущих стариц, живших обычно в городских богадельнях. Благодаря этому социальный состав монастырей был широким, включавшим различные социальные группы. Например, в конце XVII в. вятский мещанин Иван Ердяков заплатил за постриг в Хлыновском монастыре нескольких стариц из богадельни⁴⁸.

Строгановы традиционно помогали обителям, расположенным в их вотчинах. Они не только являлись прямыми вкладчиками Введенского Пыскорского монастыря, но и через мужскую обитель помогали содержать его сестѐр. Вдова Фѐдора Петровича Строганова Анна Никитична в 1686 г. по завещанию своего супруга построила в монастыре Введенскую церковь, ограду и 10 келий: «А в девичье подгорном монастыре на Пыскоре обещался Феодор Петрович построить церковь и старицам десять келий и ограду деревянным строением, и на той построй Пыскорского монастыря архимандрита Пафнутия, или кто по нем иные архимандриты с братией в том монастыре будут по сей памяти Феодора Петровича Спасу обещанные деньги в монастырь 5 000 руб. из живота его взять на том, кто вотчиною мужа моего Феодора Петровича учнет владеть». Устроительницей и покровительницей Соликамской Преображенской обители в конце XVII в. являлись вдова Евдокия Щепоткина, соликамский воевода и его супруга, московский подьячий М.Д. Иванов, М.И. Вахутин, А.К. Шумилов⁴⁹.

Женским монастырям помогали не только частные лица, но и мужские обители, которые кормили монахинь-вкладчиц своего монастыря вплоть до их смерти. Подобная традиция существовала во всех пермских женских общинах, что отличало их от вятских, где подобная практика отсутствовала. Так, Соликамский Вознесенский монастырь ещё в 1680-х гг. выдавал монахиням, сделавшим вклад в мужской монастырь, ежемесячный «отсыпной хлеб»⁵⁰.

⁴⁶ Спицын А.А. Указ. соч. С. 131–132.

⁴⁷ Монахан Э. Вертикальная социальная мобильность в Московии: купцы Гостевы и Лянгусов в Сибири в XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск, 2009. С. 104–109; *Времяник еже нарицается Летописец Российских князей, како начася в Российской земли княжение и грады утвердишася* // ТВУАК. 1905. Вып. 2. Отд. 2. С. 65; Спицын А.А. Указ. соч. С. 132; РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 7, л. 9, 28 об., 40, 42 об., 43.

⁴⁸ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 7, л. 2, 19 об.

⁴⁹ Там же, л. 3, 4–5; д. 6341, л. 3, 7, 7 об.

⁵⁰ Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. С. 76.

В 1724 г. Пыскорский монастырь обеспечивал хлебом, одеждой и обувью 37 своих вкладчиц из женского монастыря, а Чердынский – 6. Пыскорский мужской монастырь содержал не только отдельных стариц, но и оказывал помощь в церковном содержании. Судя по описи 1702 г., он передавал женскому «воск, и свечи, и ладан». Остальные монастыри предоставляли монахиням за вклады только хлеб: Вознесенский Соликамский обеспечивал пищей 3–5 монахинь, Шерьинский – 4–5, Верхязвинский – 5, Оханный – 2. Из 134 пермских монахинь за счёт вкладов питались 58 (43.3%)⁵¹. Петровские реформы, направленные на объединение небольших монастырей и запрещение вкладов за пострижение, попытались пресечь данную практику. Духовный регламент указывал: стариц, живущих при мужских пустынях и монастырях, перевести в большие обители. В соответствии с этим в 1724 г. в Пыскорский монастырь были определены монахини, которые жили при мужских пустынях и «питались от оных пустыней за вклады свои»⁵². Однако реализация этого указа растянулась на годы.

Женские обители поддерживались и отдельными монахами. Так, в 1686 г. келарь Успенского Трифонова монастыря Илья (Семакин) приобрёл на собственные деньги у слободского священника Якова Поторочина около Слободского Спасского монастыря «огородчик... под келейное строение игумении с сестрами»⁵³. Монахи выступали и в качестве вкладчиков. Например, архимандрит Евфимий вложил в женский монастырь Евангелие, написав на его страницах: «1709 году марта в 6-й день Преображения Спасова Пыскорского монастыря архимандрит Евфимий Свирепов купил сие Евангелие в Подгорный Владычной девичь монастырь в церковь Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно-девы Марии честнаго Ея Одигитрия в вечное поминование по родителех своих на свое келейные деньги, а буде кто сие Св. Евангелие из той Владычной церкви возмет или продаст, и за сие судит ему Бог»⁵⁴.

Тесные связи мужских и женских обителей не только помогали существованию последних, но и породили ряд проблем, в частности, появление «двойных монастырей» (женско-мужских). Е.Б. Емченко за период с XIV до начала XVIII в. выявила в России 9 подобных монастырей, хотя, вероятно, их было гораздо больше. Об этом свидетельствует тот факт, что практику существования подобных монастырей специально обсуждали церковные соборы 1503 и 1551 гг., решительно её осудив⁵⁵. Указанные обители встречались и в Приуралье: на семь женских, известных в XVII в., приходилось пять «смешанных». Подобная ситуация сложилась в Чусовском Успенском монастыре, где, согласно переписи 1623/24 г., проживали «5 келей, в них поп черной Иосиф, да 23 человека черных старцев, да 4 кельи, а в них живут черные старицы»⁵⁶. В Слободском уезде в Верховятском Преображенском Екатерининском монастыре в 1646 г. на монастырском дворе, где проживал священник, в двух кельях также жили «старицы черницы» «Ненила просфирня», Зиновия и Вера⁵⁷. Впослед-

⁵¹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 48, л. 5; ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 6, л. 20 об.–22 об.; Ведомость о Вятском архиерейском доме... С. 135, 140, 143, 181, 186, 188–196.

⁵² ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 6, л. 20 об.–22 об.

⁵³ РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 2144, л. 427 об.–428 об.

⁵⁴ *Словцов И.* Указ. соч. С. 440–442.

⁵⁵ *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 189–192; Стоглав. С. 361.

⁵⁶ *Осокин И.М.* Места подвигов преподобного Трифона Вятского Чудотворца в Пермском крае // Труды Пермской учёной архивной комиссии. Вып. V. 1912. С. 86.

⁵⁷ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Орлов, д. 1, л. 1102.

ствии женских обителей на базе указанных монастырей так и не образовалось. Монахини упоминались при Чусовской пустыни вплоть до 1735 г., причём послушание получали от её настоятеля⁵⁸.

В первой четверти XVIII в. (а возможно, и раньше) монахини жили при Шерьинской (их кельи располагались за оградой), Оханной и Верхязвенской мужских пустынях. Несмотря на то, что по указу 1724 г. их перевели в Пыскорский монастырь, они упоминаются при своих пустынях и в 1735 г.⁵⁹ В определённой степени это поощрялось и духовными властями: ещё соборным решением 1681 г. в вотчинах мужских монастырей предлагалось устроить пустыни для стариц, скитавшихся в миру, поскольку женские обители, как правило, не имели вотчин и достаточных средств к обеспечению насельниц пропитанием⁶⁰.

Однако проблема была шире и выходила за рамки «двойных» монастырей. Некоторые монахини жили в вотчинах мужских обителей, в частности, Соликамской Вознесенской, имевшей обширные земельные владения. В грамоте 1665 г. о разорении Сылвенской вотчины монастыря башкирами и татарами говорилось об убитых и пленных «старцах и старицах». Проблема сохранялась и позднее. Даже когда в 1683 г. был основан Соликамский Преображенский женский монастырь, построены храм и кельи, постриженные ранее монахини продолжали жить в сёлах, на мельницах и скотных дворах мужской обители, отказываясь переезжать в новую⁶¹.

По каноническим правилам, монахи также не имели права проживать в женских монастырях, где должно было служить исключительно белое духовенство⁶². Указанное правило в целом соблюдалось, причём духовенство и причт жили за монастырской оградой. Но иногда встречались исключения. По сведениям 1628 и 1646 гг., при Хлыновском женском монастыре жил чёрный поп Варлаамий⁶³, по-видимому, духовник сестёр, исповедовавший их, дававший духовные советы и наставления, а также совершавший постриги. В последующее время, если возникала необходимость, привлекались монахи соседнего Успенского Трифонова монастыря. По сведениям 1702 г., духовным отцом игуменьи Хлыновского монастыря Анны был иеромонах Лаврентий из Успенского Трифонова монастыря. Помимо основных обязанностей при необходимости он проводил допросы стариц по указанию Вятского духовного приказа⁶⁴.

Несмотря на существовавшие ограничения, монахи могли играть определённую роль в управлении женскими обителями. Так, келарь Успенского Трифонова монастыря Илья (Семакин) именуется бывшим строителем Слободского Спасского женского монастыря. Правда, из источника не вполне ясно, имеется ли в виду строитель как его основатель или как вид настоятельской должности. Монахи традиционно совершали постриги в женских обителях, а также постригали стариц, живущих при мужских пустынях или приходских храмах. Настоятели мужских монастырей могли вести строительство в женских обителях, как видно по истории Пыскорского монастыря. В его переписи

⁵⁸ ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 51, л. 55–56 об.

⁵⁹ Там же, д. 6, л. 20 об.–22 об.

⁶⁰ АИ. Т. 5. СПб., 1842. С. 113.

⁶¹ Шишонко В. Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884. С. 706; Пятый период. Ч. 1. С. 76.

⁶² Стоглав. С. 360–361.

⁶³ Вятка. Материалы... С. 8, 27.

⁶⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 421, л. 3.

1702 г. говорилось, что «того ж девича монастыря строения строятся, и пища всякая и хлеб и питие дается им в монастырь ис Пыскорскаго Преображенскаго монастыря»⁶⁵.

Упомянувшееся ранее духовное завещание Анны Никитичны Строгановой даёт основание полагать, что девичий монастырь находился в прямой зависимости от мужского в финансовом и строительном отношении. Постройка церкви, ограды и келий поручалась не чёрным старицам, а архимандриту Пафнутию, которому были выданы деньги, завещанные Фёдором Петровичем. Вполне вероятно, что и внутреннее устройство девичьего монастыря зависело от пыскорских архимандритов. Как полагал И. Слобцов, последние, возможно, по примеру прав, предоставленных настоятелям Киево-Печерской и Троице-Сергиевской лавр, Кирилло-Белозерскаго, Донскаго и Савво-Сторожевскаго монастыря, избирали и утверждали в девичьей Подгорной обители начальствующих стариц⁶⁶.

Более самостоятельную роль играл Соликамский монастырь. Вятский архиепископ Иона в своей грамоте оговорил достаточно широкие полномочия игуменьи: «Подобает же ей игуменье Капетолине, будучи в том монастыре, монастырское строение строити, по преданию и по правилам св. Апостол и богоносных отец и по нашему благословиению и наказанию жити и тот монастырь со всяким монастырским строением и всякую монастырскую утварь, и того монастыря инокинь, и вотчины, и слуг, и служебников, и крестьян, и бобылей, и половников, и всяких жилаецких людей ведать и расправу меж ими чинить праведне и правильне, а от налогов и от всяких напрасных обид оберегать накрепко». А в случае «ослушания» или «крамолы» ей разрешалось «ослушников... смотря по делу, смирать в монастыре». Разная степень зависимости выражалась и в том, что Пыскорский монастырь содержал за вклады всех 37 монахинь женского монастыря, то Соликамский мужской – только 3 из 52⁶⁷.

Вопрос о внутренних монастырских правилах досинодального периода остаётся открытым. В настоящее время не известно ни одного устава русского женского монастыря допетровского времени⁶⁸. Более того, нет сведений об уставах мужских вятских или пермских обителей XV–XVIII вв., кроме духовного завещания основателя вятского монашества преподобного Трифона Вятскаго, которое он оставил братии основанного им Успенскаго монастыря в Хлынове. По-видимому, письменных уставов в то время в монастырях Приуралья не существовало. Поэтому говорить о типе монастырей можно лишь опираясь на косвенные сведения, в частности, на описи, ведомости и приходно-расходные книги. Наиболее ранние свидетельства о типе приуральских монастырей относятся к XVI в. Из жития преподобного Трифона известно, что он ввёл общежительный устав, вызвавший недовольство старшей братии и, в конечном счёте,

⁶⁵ Там же, ф. 615, оп. 1, д. 2144, л. 427 об. – 428 об.; ф. 237, оп. 1, д. 6250, л. 5; ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 5, 6, 41, 45, 51; *Слобцов И.* Указ. соч. С. 439–441.

⁶⁶ *Слобцов И.* Указ. соч. С. 440–442.

⁶⁷ *Шишонко В.* Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. С. 77; Ведомость о Вятском архиерейском доме... С. 193–196.

⁶⁸ Известные уставы XIII–XVIII вв. были собраны и опубликованы Т.В. Суздальцевой: Древнерусские иноческие уставы. М., 2001. Исключение составляет духовное завещание игуменьи Московскаго Новодевичьего монастыря Елены (Деточкиной), которое имело характер монастырскаго устава (*Емченко Е.Б.* Указ. соч. С. 252–253).

приведший к изгнанию настоятеля. «Общим» в 1580 г. был назван и Чердын-ский мужской монастырь⁶⁹.

По сведениям ведомостей 1724–1725 гг., все мужские обители были общежительными, имели общую трапезу. Их братия жалования не получала, а монастыри имели общие расходы хлеба и средств на её пропитание. Что касается обеспечения монахов одеждой и обувью, то в некоторых монастырях и пустынях данная статья в расходных книгах особо не выделена, но, возможно, она скрывалась за общими формулировками («прочие монастырские всякие расходы»)⁷⁰.

Положение женских монастырей в Приуралье принципиально отличалось от мужских: источники не дают оснований говорить о существовании в них общежительного устава. Первая известная попытка ввести его относится к концу XVII в. В 1683 г. был возрождён Соликамский Преображенский девичий монастырь «ради собрания общежительнаго жития инокинь и мирских чистых свидетельствованных вдов». В 1693 г., когда кельи и храм были построены, устроительница монастыря Евдокия Щепоткина и благоволившие монастырю соликамский воевода С. Нарышкин с матерью обратились к архиерею, указав в прошении, что ранее постриженные монахини отказываются идти в обитель: «А прежде сего у Соли Камской которыя жены по обещанию своему постриглись, и они жили постриженныя в мирских домех с мирскими людьми, в мужских монастырях вкладчицы ради из приютства по вотчинам и по мельницам жили, и по се время живут, и общежительнаго девича монастыря не имеют, и в девич монастырь вкупность жить не идут... иные, построя келейцы, аки среди торжища жили». Грамотой от 3 июня 1694 г. архиепископ Иона распорядился, чтобы игуменья женской обители, священники-старосты приходских церквей и игумен мужского монастыря Соликамска собрали живущих в разных местах монахинь в монастырь так, чтобы «ни единой старицы не оставить». Игумену Варсонофию было запрещено держать их по мельницам и по коровьим дворам, а частным лицам – в своих домах. Тем монахиням, которые имели вклады в мужском монастыре, разрешалось по-прежнему получать от него хлеб⁷¹.

Попытка создать общежительный монастырь была связана, вероятно, с соборным решением 1681 г., которым определялся именно такой характер обителей – с общей трапезой и одеждой. Пустыни около сёл указывалось сводить в монастыри; вновь запрещалось брать вклады при пострижении, постригать дома при смерти, скитаться монахам по городам и сёлам. Однако Соликамский монастырь общежительным в полной мере так и не стал. Судя по приходно-расходным книгам 1711–1716 гг., он объединял в себе разные принципы существования монахинь: имел общие расходы на сестёр (20–30 руб.), выплачивал им жалование из государственных средств (50 руб.), а отдельные старицы содержались мужским монастырём за счёт вкладов⁷².

В чём состояла сложность создания общежительных женских монастырей в Вятско-Камском регионе? На внутреннюю организацию жизни и тип обители существенное влияние оказывала экономическая составляющая. Для общежи-

⁶⁹ Низов В.В. К вопросу о монастырском строительстве на Вятке в XV – середине XVI в. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Материалы 4-й научно-практической конференции. Киров, 1999. С. 35; АИ. Т. 1. 1841. С. 397.

⁷⁰ Ведомость о Вятском архиерейском доме... С. 121, 124, 128, 131, 135–136, 143, 146–147, 150, 155, 158, 162, 165, 168, 170, 171, 173, 176, 179, 182, 183–184, 188.

⁷¹ Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. С. 76–77.

⁷² Там же. С. 79; АИ. Т. 5. С. 112–117.

тельства требовались постоянные источники доходов, которые обеспечивали бы не только тех, кто мог работать, но также престарелых и больных сестёр. Это было принципиально, поскольку, по сведениям 1724 г., из 225 вятских и пермских монахинь 139 имели возраст 60 и более лет (61.8%): в Соликамском монастыре – 75%, в Чердынском – 80.8%⁷³. При этом далеко не каждая и из более молодых сестёр могла нести послушания по причине слабого здоровья и инвалидности (например, «за скорбию», «темнотою»).

В условиях фактического отсутствия собственности и государственной поддержки женских монастырей достаточно благополучно могли жить лишь монахини, получавшие ружное жалование или имевшие пропитание от мужских монастырей за свои вклады. Остальные должны были рассчитывать только на себя, занимаясь рукоделием или надеясь на помощь родных, а чаще всего – ища себе пропитание «меж дворян Христовым именем милостынею». Определённое решение проблемы виделось Петру I в создании штатных монастырей с выплатой фиксированного жалования⁷⁴. Несмотря на принятые законы, это стало возможным лишь после 1764 г., когда большинство из них было ликвидировано, а штатные стали получать фиксированное жалование⁷⁵. Самые большие женские обители Приуралья существовали только при постоянной поддержке со стороны благотворителей (Соликамский, Пыскорский) или государства (Хлыновский)⁷⁶. Однако сохранение и монахинь-вкладчиц, и «ружных» монастырей в корне противоречило самой идее общежительства.

Сложность экономического существования женского монашества породила немало проблем: создание двойных монастырей, жизнь монахинь в «миру», при храмах и в общинах при мужских монастырях, тесная связь с родными, скитальчество. Указанные проблемы в разной степени затрагивали пермские и вятские монастыри, поскольку, несмотря на их территориальную близость и принадлежность к общей епархии, женское монашество имело в каждом из этих районов свои особенности, в частности, разные формы общин и источники существования стариц.

Помимо экономической имела место также психологическая причина отказа от общежительства, что ярко проявилось в истории Соликамского монастыря. Инертность сознания приводила к тому, что монашествующие далеко не всегда были готовы поступиться прежним свободным образом жизни и попасть в зависимость от монастырского начальства, в том числе в вопросах своего содержания и исполнения монастырских правил. В сознании русского общества действовали и иные стереотипы, связанные с монашеством и сложившиеся в предшествующий период, в частности традиция пострига в старости. Всё это

⁷³ ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 5, л. 63–77 об.; д. 6, л. 15–30.

⁷⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 665, л. 16; ПСЗ-I. Т. 4. № 1886.

⁷⁵ В 1764 г. в России из 203 женских монастырей было упразднено 136 (67%), причем все оставшиеся являлись штатными (*Емченко Е.Б.* Указ. соч. С. 262). В Вятской и Великопермской епархии сохранились только Хлыновский и временно определённый к епархии Уфимский (Ведомости о церковном строении города Хлынова Кафедрального собора, Крестовой церкви и штатных монастырей Вятской и Великопермской епархии за 1768 год // ТВУАК. 1915. Вып. 2–3. Отд. 2. С. 12–15). Были в то же время уничтожены Котельничский, Соликамский, Слободской и Чердынский женские монастыри (Описи за 1768 г. составленные в силу указа Св. Синода о церковном имуществе упраздненных в 1764 г. нижеозначенных монастырей // ТВУАК. 1915. Вып. 2–3. Отд. 2. С. 32, 64, 127, 150), а до 1764 г. прекратили существование Кунгурский и Пыскорский. В результате в пермских землях не осталось ни одной женской обители.

⁷⁶ В 1724 г. в Хлыновском монастыре жила 61 монахиня, в Пыскорском – 37, в Соликамском – 52 (ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 5, л. 75 об.; д. 6, л. 20, 30).

в той или иной степени подменяло первоначальное понимание и призвание монашества.

Таким образом, в XVII в. не было создано необходимых предпосылок для введения общежительных уставов в женских обителях. Проводимые Петром I реформы, направленные на ужесточение монастырских правил и сокращение числа монашествующих (ограничение возможностей пострига, повышение возрастной планки, запрет выхода из монастыря, уничтожение небольших обителей и пустыней), начали реализовываться в полной мере уже после его смерти. Поэтому развитие женских обителей в первой четверти XVIII в. являлось логическим продолжением предшествующего периода.

Ситуация стала меняться во второй половине XIX в., когда благодаря постоянным и значительным поступлениям (создание мастерских, сбор крупных пожертвований, в том числе и в других губерниях, возможность приобретения и получения земельных владений и иной собственности), наряду с численным ростом монашествующих, появилась реальная возможность ввести общежительные уставы. Монастыри теперь могли обеспечивать большое количество монахинь независимо от их физического состояния и материального достатка. В таких условиях политика высших духовных властей, направленная на введение общежительства, приобрела экономическое подкрепление, а смена поколений монашествующих позволила утвердиться новым представлениям и возродиться прежним духовным традициям.